

РОВАРА
Семаг

ЗАБОТА
О ТЕХ,
КОГО ЛЮБИШЬ

ВРАЧ *для моей* КИСКИ

ЛЮБОВЬ. ЗАБОТА. ДОВЕРИЕ

Ровена Сомад

Ветеринар или врач для моей киски

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74207627

Аннотация

Жизнь студентки Таи перевернулась, когда кошку ее бабушки начал лечить слишком красивый ветеринар. Теперь приходится выдумывать новые симптомы у Мурки, чтобы вновь его увидеть. Но доктор слишком быстро все понимает... И в итоге он оказывается совсем не таким, каким его представляла Тая...

ИЛЛЮСТРАЦИИ

ЛЕГКИЙ СЮЖЕТ

ГОРЯЧИЙ ВЕТВРАЧ

ГОЛОДНАЯ СКРОМНИЦА

РОЛЕВЫЕ ИГРЫ

ХЭППИ ЭНД

Содержание

Мурка	4
Осмотр с фантазиями	15
Бегство	22
Второй визит	31
Флирт?!	39
Хозяин	50
Просто мне нравятся киски...	60
Ложь	68
Неопределенность...	76
Ночная смена	83
Проверка чувствительности	89
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Мурка

Тая толкнула входную дверь плечом – старая деревянная рама, как всегда, сопротивлялась. Она скинула кеды у порога, не глядя, куда они улетели, и прошла в маленькую кухню, где уже звенела крышка чайника.

– Таюшка, ты? – голос бабы Вали был тоныше обычного, словно простуженный.

– Я, – отозвалась Тая, бросая рюкзак на табурет. – Что с Муркой?

Бабушка сидела за столом, маленькая, сгорбленная, в старом плюшевом халате цвета выцветшей сирени. На коленях лежала Мурка – крупная серая кошка бенгальской породы, которая обычно встречала Таю царственным взглядом и требовательным «мяу». Сейчас она лежала, прижав уши и глядя в никуда грустными глазами.

– Не ест второй день, – бабуля погладила кошку по голове дрожащей рукой. – Я вчера весь день звонила Роману Андреевичу... он сказал, чтобы сегодня везла а нему. Вот, ад-

рес записала.

Тая посмотрела на клочок бумаги, вырванный из старого ежедневника. Почерк бабушки дрожал, но адрес был разборчив.

– Бабуль, может, завтра? У меня завтра всего две пары...

– Таюш, она же мне как дочь, – тихо сказала Валентина Ивановна, и в этом «как дочь» было столько незащитной тоски, что Тая тут же прикусила язык.

Она вздохнула, присела на корточки и осторожно взяла Мурку за руки. Кошка оказалась неожиданно горячей.

– Ладно. Сейчас поеду.

Переноска стояла в коридоре – старая, потёртая, с облупившейся краской по углам. Тая уложила Мурку внутрь, подоткнула ей под бока мягкий плед, который бабушка специально держала «для кошкиных походов к доктору». Когда она закрыла дверцу, Мурка издала слабый, жалобный звук.

– Держись, толстушка, – пробормотала Тая, хотя сама не верила, что кошка её понимает.

Дорога до ветклиники заняла десять минут. Водитель такси включил радио, и Тая сидела, прижав переноску к коленям, и смотрела в окно на мокрый февральский город. Телефон завибрировал.

****Дима:**** ну что, зай, уже дома?

****Тая:**** нет, Мурка заболела, везу к ветеринару

****Дима:**** ого, сочувствую кошке ## а ты когда освободишься?

****Тая:**** хз

****Дима:**** тогда после клиники сразу ко мне. Соскучился пиздец

****Тая:**** Дим, я усталая и злая, и от меня будет пахнуть мокрой кошкой

****Дима:**** мне пох, я тебя и такую хочу. Раздену медленно, лизну за ушком, потом ниже... ты же знаешь, как мне нравится, когда ты пытаешься молчать и всё равно стонешь

Тая закусил губу. Пальцы замерли над экраном. Она представила его теплые руки, скользящие по её бёдрам, и как всегда она его остановила когда он забрался по её юбку.

****Тая:**** прекрати, я в такси сижу

****Дима:**** а ты представь, как я тебя прямо сейчас забираю из этой клиники, завожу в машину на заднее сиденье и...

****Тая:**** Дима, я серьёзно, хватит мечтать! Я не в настро-

ении

Она уже набирала «и вообще отстань», когда водитель объявил:

– Приехали. Ветклиника «Зверье мое», верно?

Тая сунула телефон в карман, расплатилась и вышла под мелкий дождь. Переноска была тяжёлой, ремень врезался в плечо.

Внутри пахло антисептиком, влажным кормом и едва уловимым запахом животных. В приёмной сидели три человека: женщина с дрожащим чихуахуа, подросток с огромным мейн-куном в переноске и бабушка с попугаем, который периодически выкрикивал «Гоша хороший мальчик!».

Тая подошла к стойке.

– Здравствуйте. Мне нужен Роман Андреевич.

Девушка за ресепшеном подняла глаза от монитора.

– Он сейчас на операции. Подождёте минут десять?

– Да, конечно!

Тая опустилась на край жёсткого диванчика, поставила переноску между ног и достала телефон.

****Дима:**** обиделась?

****Тая:**** нет, просто не до этого

****Дима:**** а я уже представляю, как ты сидишь там вся такая серьёзная, а под юбкой трусики мокрые от моих сообщений

Тая закатила глаза, но внизу живота всё-таки сладко сжалось. Она уже собиралась написать что-то колкое, когда над головой раздался низкий, чуть хриловатый голос:

– Мурка Валентиновны Ивановны?

Тая подняла взгляд – и замерла.

Мужчина стоял прямо перед ней. Высокий, широкоплечий, даже под белым халатом было видно, как ткань натягивается на плечах. Тёмные волосы чуть растрёпаны, будто он только что снял шапочку после операции. Глаза – тёмно-серые, с тяжёлыми веками, смотрели с лёгкой прищуренной насмешкой. На бейджике, прикреплённом к нагрудному карману, значилось:

Роман Андреевич Ковалёв
Ветеринарный врач

Тая почувствовала, как кровь приливает к щекам. Она ожидала увидеть пожилого мужчину с усталыми глазами и сединой – как те ветеринары, к которым водила Тая водила свою покойную собачку. А перед ней стоял кто-то, кто явно ошибся дверью и вместо операционной попал на съёмочную площадку какого-нибудь сериала про красивых докторов.

– Да... это мы, – выдавила она, поднимаясь. Голос прозвучал тише, чем ей хотелось.

Он наклонился, заглянул в переноску.

– Ну здравствуй, тигрица, – тихо сказал он кошке, а потом перевёл взгляд на Таю. Уголок рта дрогнул в едва заметной улыбке. – А вы, значит, внучка Валентины Ивановны? Она говорила о вас.

Тая кивнула, не доверяя своему голосу.

Роман Андреевич выпрямился. Его глаза скользнули по ней – не нагло, но очень внимательно. Будто он привык за секунду оценивать и людей, и животных.

– Пойдёмте. Посмотрим, что там с нашей девочкой.

Он взял переноску сам – легко, будто она ничего не весила. Тая пошла следом, чувствуя, как сердце стучит где-то в горле, а в голове крутится только одна глупая мысль:

«А он и правда такой красивый или мне просто Димкины сообщения мозг вынесли?»

Роман Андреевич шёл чуть впереди, широкая спина в белом халате закрывала почти весь коридор. Тая смотрела на его затылок и думала только об одном: «Господи, почему у него шея такая красивая?» Кожа чуть загорелая, мышцы перекатываются под воротником, когда он поворачивает голову. Она сглотнула и тут же споткнулась о собственную ногу.

– Осторожно, – он даже не обернулся, но голос прозвучал мягче, чем нужно было для простого предупреждения.

Тая пробормотала что-то невнятное и ускорила шаг, чтобы не отставать.

Кабинет оказался неожиданно большим и в нем пахло кофе, а не антисептиком. У стены – книжный шкаф, заставленный толстыми томами: «Хирургия мелких домашних жи-

вотных», «Инфекционные болезни кошек и собак», ещё какие-то латинские названия. Рядом – стол поменьше, с монитором и разбросанными стикерами, явно ассистентский. А в центре, у окна, стоял массивный стол Романа Андреевича – тёмное дерево, аккуратная стопка историй болезни, одинокая ручка и... кружка.

Тая замерла на пороге.

За ассистентским столом сидела девушка лет двадцати пяти. Светлые волосы собраны в высокий хвост, аккуратный макияж, белый халатик расстёгнут на одну пуговицу больше, чем положено по инструкции. Она подняла глаза, улыбнулась профессионально и тепло.

– Добрый день. Давайте вашу красавицу, – сказала она, протягивая руки к переноске.

Роман Андреевич поставил переноску на пол и открыл дверцу. Мурка слабо мяукнула. Девушка-ассистентка ловко подхватила кошку, прижала к груди и направилась к весам в углу.

– Я сейчас взвешу, измерю температуру и кровь возьму для анализов, – бросила она мне через плечо. – Минут пять, не больше.

Роман Андреевич повернулся к Tae.

– Присаживайтесь, – он указал на кресло напротив своего стола. Голос низкий, спокойный, но от этого почему-то ещё более опасный.

Тая сделала шаг, потом ещё один. Ноги стали ватными. Она опустилась в кресло, стараясь не смотреть ему в глаза, но всё равно посмотрела. Он уже сидел напротив, откинувшись на спинку, пальцы переплетены на столе. Рукава халата закатаны до локтей – предплечья сильные, с проступающими венами. Тая почувствовала, как жар поднимается от груди к шее.

– Рассказывайте, что с Муркой, – попросил он. – Всё, что помните. Подробно.

Тая открыла рот. И закрыла. В голове крутилось только: «Он смотрит на меня. Прямо в глаза. Зачем он так смотрит?»

– Э-э... ну... бабушка сказала... – она запнулась, сцепила пальцы на коленях. – Два дня... не ест. Совсем. Даже любимый... паштетик... не стала. И... горячая. Очень горячая. Бабуля так говорит...

Она замолчала, чувствуя, как щёки горят. Роман Андреевич не перебивал. Только смотрел. С той самой лёгкой хитрой улыбкой, от которой у Таи внутри всё сжималось и одновременно растекалось теплом.

Её взгляд случайно упал на кружку.

Чёрная керамика. Белая надпись крупными буквами:

«ВРАЧ ДЛЯ ТВОЕЙ КИСКИ»

Тая резко втянула воздух носом и отвела взгляд от смущения.

Но Роман Андреевич успел проследить за её взглядом. Уголок его рта дрогнул сильнее.

– Подарок от коллег, – тихо сказал он, и в голосе послышалась откровенная насмешка. – На день рождения. Считают, что... я выбрал не ту профессию.

Тая хотела ответить что-то остроумное. Что угодно. Но из горла вырвалось только жалкое:

– А... ха... смешно...

Она тут же закрыла рот ладонью, будто могла забрать слова обратно. Кровь прилила к лицу так сильно, что, кажется, даже уши горели.

Хочешь большего? Заходи на мой телеграм канал @Rowena_Somad или Ровена в огне##

много откровенных видео 18+#####

последние новости####

дополнительная инфа по героям #####

Жду тебя с нетерпением ##

Осмотр с фантазиями

Роман Андреевич наклонился чуть ближе, опёрся локтями о стол. Расстояние между ними сократилось до опасного.

– Вы нервничаете, – произнёс он почти шёпотом и это был не вопрос, а утверждение.

– Н-нет... то есть... да... немного... – Тая сглотнула. – Просто... я не очень... люблю ветеринаров... то есть... не люблю, когда животные болеют... ну... вы понимаете...

Он кивнул, сжав губы, чтобы сдержать улыбку, но глаза его смеялись.

– Понимаю. – Он откинулся назад, но не отводил взгляда. – Дышите глубже, Тая. Мурка может чувствовать ваше напряжение.

«Он назвал меня по имени. Откуда он знает моё имя? Ах да... бабушка... конечно...»

Тая попыталась вдохнуть. Получилось плохо. Воздух застревал где-то посередине груди. А руки рефлекторно тяну-

ли ткань короткой джинсовой юбки на колени, хоть это и было бесполезно, потому что при всем желании растянуть джинсу на сантиметров двадцать не под силу никому.

И Роман Андреевич заметил ее нервные движения. Его взгляд скользнул вниз, всего на секунду задержавшись на круглых коленках, и вернулся к её лицу. Его улыбка стала чуть шире, а щеки Таи еще краснее.

– Расскажите ещё раз, когда вы заметили потерю аппетита, – попросил он спокойно, как будто ничего не произошло. – И пьёт ли она воду, хоть немного?

Тая кивнула. Открыла рот. И поняла, что забыла половину слов.

От очередного позора, Таю спасла ассистентка, которая подошла, держа Мурку на руках, как ребёнка. Кошка выглядела более активной, видимо проведенные с ней манипуляции взбодрили ее.

– Мурка готова!

Девушка улыбнулась нам и понесла кошку к столу для осмотра, где уже лежал набор инструментов: перчатки и фонендоскоп.

– Вот, Роман Андреевич, – сказала ассистентка, аккуратно поставив кошку на стол. – Вес – четыре восемьсот, температура – тридцать девять и девять. “Общий” и биохимия будут готовы через час.

Он кивнул, не отрывая взгляда от кошки, и надел перчатки – тонкий латекс натянулся на сильных пальцах с лёгким хлопком. Тая сидела на краю кресла, но теперь встала, не в силах сдержать свое желание быть ближе к Роману.

– Можно... посмотреть? – спросила она тихо, подходя на шаг.

Роман Андреевич взглянул на неё поверх плеча. Его глаза на миг задержались на её губах, потом вернулись к Мурке.

– Конечно. Подходите.

Тая сделала ещё шаг. Теперь она стояла совсем рядом – так близко, что чувствовала тепло его тела сквозь тонкий халат. Этот аромат кружил голову. Тая вдохнула глубже, чтобы прийти в себя от этого наводнения, но горячее, пульсирующее желание все равно разгорелось внизу ее живота.

Роман Андреевич осторожно открыл рот Мурке, придер-

живая челюсть большим и указательным пальцами. Кошка слабо мяукнула, но не сопротивлялась.

– Вот, смотрите, – сказал он, наклоняясь ближе. Его плечо почти коснулось её. – Язвочки на дёснах и языке. Небольшие, но воспалённые. Это может быть кальцивироз или герпесвирус, но пока рано судить.

Тая наклонилась, чтобы увидеть. Язвочки были красными, с белёсым налётом – крошечные ранки, от которых Мурка, наверное, мучилась и не могла кушать. Но Тае было трудно сосредоточиться. Она чувствовала его дыхание на своей щеке, видела, как напрягаются мышцы на его предплечье, когда он держал кошку. Запах стал сильнее, обволакивающим, и в голове вспыхнула первая искра фантазии.

«А если бы это была я? – подумала она внезапно, и мысль обожгла, как электрический разряд. – Если бы он так же держал мою челюсть, заставлял открыть рот, смотрел на меня с этим сосредоточенным взглядом...»

Она представила: Роман Андреевич в том же халате, но в полумраке не кабинета. Его пальцы – сильные, уверенные – скользят по её щеке, большим пальцем отодвигают нижнюю губу и наклоняется к ее лицу. Его горячий, настойчивый язык проникает внутрь, исследует каждый уголок, лижет

так, как никто никогда. Она стонет, а он только улыбается той хитрой улыбкой.

Тая моргнула, возвращаясь в реальность. Роман Андреевич осматривал уши Мурки, проверяя на клещей или воспаление. Его движения были точны, профессиональны.

– Уши чистые, – пробормотал он. – Хорошо.

Но Тая уже не слушала. Она стояла так близко, что могла бы протянуть руку и коснуться его спины. Его запах сводил с ума – он был везде, в воздухе, в её лёгких, внизу живота, где всё ныло и пульсировало.

Роман Андреевич тем временем перешёл к животу. Он положил Мурку на бок и начал прощупывать. Его пальцы в перчатках скользили по шерсти, проверяя органы.

– Почки не увеличены, – сказал он, и в голосе послышалось облегчение. – Печень тоже.

Ассистентка кивнула, вбивая в свой компьютер данные, но Тая едва слышала. Её фантазия бушевала, как шторм. Она видела себя на этом столе вместо Мурки – обнажённой, распростёртой, уязвимой. Роман стоит над ней, его руки – без перчаток, голые, горячие – прощупывают каждый санти-

метр. Начинает с живота: ладони давят, круговыми движениями, спускаются ниже, к бёдрам.

Реальность вернулась рывком – Роман Андреевич выпрямился, и потянулся к рабочему столу. Взяв оттуда два пузырька с загадочными названиями “Амоклавс” и “Феливит”. Ассистентка подошла и принялась набирать из этих флаконов жидкость в два шприца. Тая уставилась на то, как девушка делала Мурке уколы в холку, но думала совсем не о здоровье кошки, а о том какой же Роман Андреевич привлекательный мужчина. И вдруг его приятный голос раздался у нее над ухом.

– Пока подождём анализы, – сказал он, когда Тая обернулась. Его глаза сузились, будто он заметил её румянец, прерывистое дыхание. – Вы в порядке? Выглядите... странно.

Тая кивнула, не в силах говорить. Внизу живота всё горело, трусики были мокрыми от одной только мысли. «Если бы он знал, – подумала она. – Если бы только знал...»

Хочешь большего? Заходи на мой телеграм канал Ровена в огне##

много откровенных видео 18+#####

последние новости####

дополнительная инфа по героям #####

Жду тебя с нетерпением ##

Бегство

– Вы в порядке? Вас что-то беспокоит? – повторил Роман Андреевич, и в его голосе было что-то тёплое, почти заботливое.

Тая открыла рот, чтобы ответить «всё нормально», но вместо этого вырвалось совсем другое:

– Я... просто очень устала. После универа... и даже не поела ничего сегодня...

Она тут же захотела провалиться сквозь пол. Зачем она это сказала? Зачем вообще открыла рот?

Роман Андреевич чуть приподнял бровь. Улыбка стала мягче, почти домашней.

– Тогда тем более. Давайте я сейчас закажу что-нибудь сюда. Есть доставка нормальной еды, не фастфуд. Посидим, подождём анализа вместе. Я как раз собирался перекусить.

Он сказал это так просто, будто предлагал чашку чая, а не совместный обед в ветеринарном кабинете с видом на мокрый февральский двор. Тая почувствовала, как кровь снова

приливает к щекам, к ушам, к шее. В голове закружилось: «Он предлагает мне поесть. Со мной. Здесь. Сейчас».

Она представила их двоих за этим столом. Он без халата, рукава рубашки закатаны, вилка в руке, смотрит на неё так же внимательно, как только что смотрел на Мурку. А потом его рука тянется через стол, касается её запястья...

– Я... э-э... нет... то есть... спасибо, но... – Тая начала пятиться к двери, не отрывая глаз от его лица. – Мурке же уже лучше, да? Анализы... потом... бабушка ждёт... я... мне надо...

Ассистентка в углу тихо кашлянула, пряча улыбку.

Роман Андреевич поднялся, собираясь что-то сказать, но Тая уже схватила переноску с Муркой и практически выбежала из кабинета.

Дверь хлопнула за спиной.

В приёмной она чуть не сбила с ног женщину с йоркширским терьером. Выскочила на улицу под холодный дождь, прижала переноску к груди и побежала к остановке, не разбирая дороги.

В автобусе она села у окна, прижалась лбом к холодному стеклу. Мурка внутри переноски уже спала.

«Как же я опозорилась, – думала Тая, закрывая глаза. – Зачем я сказала, что голодная? Он, наверное, решил, что я намекаю. Или что я дура. Или и то, и другое. Слава богу, что об анализах он расскажет бабушке по телефону. Мне больше никогда не придётся туда возвращаться. Никогда. Никогда не видеть эти руки, этот взгляд, эту дурацкую кружку...»

Она уткнулась лицом в ладони и тихо застонала от стыда.

Дома бабушка встретила её у порога с тревожным взглядом.

– Ну как Мурочка?

– Язвочки во рту, температура высокая, – быстро доложила Тая, ставя переноску на пол. – Сказали анализы подождать.

Бабуля кивнула, уже открывая дверцу, чтобы обнять кошку.

Тая ушла на кухню, быстро сварила макароны с сыром, съела стоя у окна, почти не чувствуя вкуса. Потом села за

стол, открыла ноутбук, сделала конспекты по западно-европейской поэзии 19-20х веков – механически, чтобы занять голову хоть чем-то.

Телефон мигнул.

****Дима:**** зай, ты где? уже вечер, давай встретимся? я соскучился пиздец

****Тая:**** ладно. Где?

****Дима:**** в «Мятном» через полчаса?

Она не хотела. Совсем. Но остаться дома одной с этими мыслями о Романе Андреевиче казалось ещё хуже.

В кафе Дима уже ждал за столиком у окна – в чёрной толстовке, с этой своей привычной наглой улыбкой. Поцеловал её в щёку, слишком долго задержался губами у виска.

– Выглядишь охуенно, – сказал он, оглядывая её с ног до головы. – Усталая, но всё равно секси.

Тая села напротив, заказала чай. Разговор начался обычно: как день, что нового. Но через пять минут Дима уже наклонился ближе, понизил голос.

– Слушай... после кафе поехали ко мне? У меня родители

уехали на выходные. Будем одни. Я так хочу тебя... хожу как пришибленный.

Тая посмотрела на него – и вдруг увидела не Диму, а другого мужчину. Высокого, взрослого с прищуренными глазами, с сильными руками в латексных перчатках. С запахом, от которого подкашивались ноги.

– Дим, – тихо сказала она. – Мне это надоело.

Он замер.

– Что именно?

– То, что каждый наш разговор сводится к одному. К сексу. Которого ты от меня не можешь добиться уже полгода. Я тебе не трофей, не способ снять напряжение.

Дима открыл рот, потом закрыл.

– Таюш... я же просто... люблю тебя. Хочу быть ближе.

– Тогда перестань говорить только об этом, – она встала, взяла куртку. – Мне надоело быть для тебя просто телом. Пока.

Она вышла, не дожидаясь ответа.

Дождь уже кончился. Улицы блестели под фонарями. Тая шла домой пешком – медленно, вдыхая холодный воздух, пытаясь вытряхнуть из головы и Димины слова и голос Романа Андреевича: «Давайте я закажу что-нибудь сюда...»

Дома она тихо прошла в свою комнату, не включая свет. Бабушка уже спала. Мурка свернулась клубком на подоконнике.

Тая упала на кровать не раздеваясь. Закрыла глаза.

И сразу увидела его – высокого, в белом халате, с той прищуренной улыбкой.

Она зажмурилась сильнее, натянула одеяло на голову и попыталась уснуть. Но сон пришёл только под утро – горячий, беспокойный, полный сильных рук и запаха антисептика, смешанного с мужским потом.

Тая провалилась в сон резко, как в чёрную воду. Сначала была только темнота, потом – запах. Тот самый: антисептик, лёгкий пот, тёплая кожа мужчины после долгого дня. Запах Романа Андреевича, который она запомнила за те несколько минут в кабинете.

Она открыла глаза – и оказалась уже не в своей комнате.

Тая шла по вечернему парку рядом с Романом Андреевичем. Сегодня он был не в белом халате, а в тёмно-синем пальто и сером шарфе. От него пахло хвоей, кофе и чем-то явно мужским. Он шёл чуть сбоку, чтобы ветер не попадал ей в лицо, и говорил тихо, с лёгкой улыбкой в голосе.

– Знаешь, Тая, я заметил одну вещь, – он посмотрел на неё чуть дольше, чем требовалось. – Когда я тебя увидел, сразу понял что должен пригласить тебя на свидание.

Тая почувствовала, как щёки вспыхнули.

Она не знала, что ответить. Просто шла рядом и улыбалась так широко, что уже начинали ныть щёки. Он рассказывал смешные истории про самых странных своих пациентов – хомяка, который проглотил бусину от маминого браслета, и попугая, который выучил только одну фразу, но очень неприличную. Тая смеялась до слёз, а он смотрел на неё с такой доброй, чуть снисходительной нежностью, будто она была самым драгоценным существом, которое он когда-либо встречал.

Когда они дошли до её подъезда, ночь уже стала густой и бархатной. Фонарь над входом мягко светил жёлтым.

– Ну вот, – сказала Тая, вдруг почувствовав, как сжимается горло. – Спасибо за вечер. Было... очень хорошо.

Она уже повернулась к двери, но Роман Андреевич вдруг мягко, но уверенно поймал её за запястье.

– Подожди.

Голос у него стал ниже, тише. Он шагнул ближе. Тая почувствовала тепло его тела даже через пальто. Он не давил, не торопил – просто смотрел ей в глаза, будто спрашивал разрешения. А потом медленно, очень медленно наклонился.

Когда его губы коснулись её, Тая перестала дышать.

Поцелуй был таким же, как он сам – неспешный, тёплый, невероятно внимательный. Он целовал её так, будто пробовал на вкус каждую секунду, будто боялся спугнуть. Одна его ладонь легла ей на талию, вторая – нежно обхватила затылок, пальцы запутались в волосах. Тая ответила, сначала робко, потом всё смелее, прижимаясь к нему всем телом. Её колени дрожали. Внизу живота разливалось горячее, пульсирующее тепло.

Она хотела, чтобы этот поцелуй длился вечно.

Но вместо этого она резко открыла глаза.

Спальня. Ночь. Тишина. Только её собственное тяжёлое дыхание и стук сердца где-то в горле.

Тая лежала на спине и внизу всё ныло и пульсировало так сильно, что она невольно сжала бёдра.

– Чёрт... – прошептала она в потолок.

Она перевернулась на бок, подтянула колени к груди, пытаясь унять это сладкое, постыдное томление. Закрыла глаза. Сказала себе строго: «Это просто сон. Просто дурацкий сон. Он просто ветеринар. Он просто хорошо относится к

Мурке. Всё».

Но стоило ей расслабиться – и снова возникло ощущение его ладони на талии, его дыхания у её губ, его низкого «подожди». Тая зажмурилась сильнее, зарылась лицом в подушку.

Не помогло.

Она всё ещё чувствовала вкус его поцелуя.

А внизу живота всё так же горячо ныло, требуя продолжения, которого во сне не случилось.

Тая тихо выругалась в подушку и поняла, что этой ночью она уже точно не уснёт.

**Хочешь большего? Заходи на мой телеграм канал
Ровена в огне##**

много откровенных видео 18+#####

последние новости####

дополнительная инфа по героям #####

Жду тебя с нетерпением ##

Второй визит

Утро 14 февраля 2026 года выдалось серым и промозглым. Тая проснулась с тяжёлой головой и ощущением, потому что всю ночь вспоминала тот поцелуй Романа Андреевича. Она быстро умылась ледяной водой, пытаясь смыть с кожи воспоминания о чужих руках, и побежала в университет.

На первой паре русского языка телефон завибрировал в кармане. Бабуля. Тая сбросила, написав коротко: «На лекции, перезвоню». Через сорок минут – снова звонок. Тая снова сбросила, чувствуя укол вины. На третьей паре – уже третий звонок, но она не ответила: лектор как раз объяснял о сложном направлении португальской поэзии начала 20 веков, которое насило очень красивое, как показалось Тае название – “саудаде”, и Тая старательно записывала, чтобы хоть чем-то отвлечься от мыслей о вчерашнем.

Весь день она была рассеянной. Когда преподаватель спросил ее о творчестве Фернандо Пессоа, она ответила что-то невнятное, хотя прекрасно знала ответ. Однотруппницы переглядывались: Тая, обычно собранная и острая на язык, сегодня выглядела как человек, который не спал трое суток.

Домой она ехала в переполненном автобусе, прижимаясь лбом к холодному стеклу. Желание было только одно – чтобы с Муркой всё оказалось хорошо. Чтобы анализы пришли нормальные, чтобы бабушка улыбнулась, чтобы можно было забыть эту клинику, этого врача и эти чёртовы сны.

Но как только Тая открыла дверь квартиры, бабуля вышла в коридор – маленькая, сгорбленная, с красными от слёз глазами.

– Таюш... звонил Роман Андреевич.

Тая замерла, всё ещё в куртке.

– И...?

– Анализы плохие. Очень плохие. У Мурки вирус... он сказал, что надо начинать лечение. Капельницы, таблетки... и наблюдение. Он просил, чтобы ты привезла Мурку сегодня. Сказал, что сам будет вести.

Тая почувствовала, как пол уходит из-под ног. Ужас накатил холодной волной – не только за кошку, но и за себя. Это значит, что она должна вернуться. Снова увидеть его. Снова стоять рядом, вдыхать его запах, краснеть от одного взгляда.

Снова фантазировать о том, чего никогда не будет.

– Бабуль... – голос дрогнул. – А может... другой врач?

– Таюш, он же лучший. Он Мурку знает с котёнка. И он сам позвонил, переживает...

Тая кивнула, не в силах спорить. Она прошла в комнату, бросила рюкзак на кровать и открыла шкаф.

Долго стояла, глядя на вешалки. Потом вытащила длинный объёмный свитер горчичного цвета – мягкий, тёплый, почти до колен. Надела его поверх чёрной водолазки. Свитер был настолько большим, что почти полностью скрывал узкую мини-юбку, оставляя видны только колготки и ботинки на платформе. Она посмотрела в зеркало: выглядела уютно, почти по-домашнему, но юбка всё равно проглядывала при движении – короткая, облегающая, чёрная как грех.

Потом подошла к зеркалу в ванной. Нанесла макияж ярче обычного: smokey eyes с графичной стрелкой, тушь в несколько слоёв, помада глубокого винного оттенка. Щёки подрумянила чуть сильнее, чтобы скрыть бледность. «Если уж позориться, – подумала она, – то хотя бы красиво».

Мурку она уложила в переноску осторожно, как хрусталь-

ную вазу. Кошка уже не такая вялая – даже попыталась цапнуть дверцу, но сил хватило только на слабое «мяу».

Такси до клиники ехало долго – пробки, мокрый снег, который лип к стёклам. Тая сидела, прижимая переноску к коленям, и повторяла про себя как мантру:

«Только о кошке. Только о лечении. Никаких взглядов. Никаких мыслей. Никаких снов».

Но когда она вошла в приёмную ветклиники, сердце всё равно заколотилось так, будто хотело выскочить наружу.

На ресепшене та же девушка, что вчера.

– Роман Андреевич ждёт. Проходите сразу в кабинет, он освободился.

Тая кивнула, чувствуя, как ладони становятся влажными. Она поднялась по коридору, стуча каблуками по линолеуму. Дверь кабинета была приоткрыта.

Она постучала.

– Входите, Тая, – раздался знакомый низкий голос.

Она вошла.

Роман Андреевич стоял у окна, спиной к двери, смотрел на улицу. Халат расстёгнут, рукава закатаны. Когда он обернулся, его взгляд прошёлся по ней – медленно, от горчичного свитера до чёрных колготок, и вернулся к лицу.

– Здравствуйте, – сказал он тихо. – Баба Валя звонила, сказала, что вы в пути.

Тая сглотнула. Губы в винной помаде вдруг стали сухими.

– Здравствуйте... Роман Андреевич. Вот... Мурка.

Она поставила переноску на стол. Он подошёл ближе, даже слишком близко, как показалось Тая. Запах ударил в нос: антисептик, кофе, он сам.

– Давайте посмотрим, – сказал он, открывая дверцу.

Но Тая уже не могла отвести глаз от его рук. От тех самых рук, которые во сне держали её за талию.

Она стояла, обхватив себя руками под огромным свитером, и молилась только об одном:

«Пусть он ничего не заметит. Пусть это будет просто осмотр кошки. Пусть я не сойду с ума прямо здесь».

Но когда Роман Андреевич наклонился к переноске, его плечо почти коснулось её плеча, а взгляд – на долю секунды – задержался на её губах, Тая поняла:

Это только начинается.

Роман Андреевич открыл переноску и осторожно вытащил Мурку. Кошка слабо мяукнула, попыталась вывернуться, но сил почти не осталось. Он положил её на смотровой стол, включил яркую лампу сверху. Свет упал на серую шерсть.

– Обезвожена сильно, – сказал он, приподнимая пальцами кожу на холке у кошки. Затем заглянул ей в рот, разжав пальцами челюсть. – Слизистые бледные, тургор кожи снижен. Нужно срочно ставить капельницу. Регидратация внутривенно, плюс поддерживающая терапия.

Тая стояла рядом, обхватив себя руками под огромным горчичным свитером. Свитер был таким объёмным, что казался щитом, но юбка всё равно предательски выглядывала снизу при каждом движении.

– Я сейчас позову Вику, – начал Роман Андреевич, но тут

же осёкся. – Хотя... Вика сегодня отпросилась. У неё личные обстоятельства. Значит, придётся вам помочь, Тая.

Тая замерла.

– Мне? – голос сорвался на писк. – Но я... я ничего не умею. Я даже не знаю, как...

Он повернулся к ней полностью. Взгляд скользнул по её лицу, задержался на ярко накрашенных губах – винная помада блестела под лампой, – потом медленно опустился ниже, к чёрным колготкам, обтягивающим бёдра, к краю мини-юбки, который едва прикрывал свитер.

– Ничего сложного, – сказал он спокойно, почти ласково. – Вы просто будете фиксировать Мурку. Держать её лапки и голову, чтобы она не дёргалась, пока я ставлю катетер. Всё. Я сделаю остальное.

**Хочешь большего? Заходи на мой телеграм канал
Ровена в огне##**

много откровенных видео 18+#####

последние новости####

дополнительная инфа по героям #####

Жду тебя с нетерпением ##

Флирт?!

Тая покачала головой, отступая на полшага.

– Нет... я не смогу. Я боюсь сделать хуже. Вдруг я её прижму слишком сильно? Или она меня поцарапает? Или...

Роман Андреевич шагнул ближе. Теперь между ними оставалось всего полметра. Запах – тот самый, сводящий с ума – снова ударил в ноздри: антисептик, кофе, тёплая кожа.

– Тая, – произнёс он тихо, с лёгкой, но хитрой улыбкой в уголках губ. – У вас просто нет выбора. Мурке нужна помощь прямо сейчас. А я не могу ставить катетер одной рукой. Вы же не хотите, чтобы она мучилась? – его голос был с легкой игривой ноткой.

Он смотрел прямо в глаза, но взгляд то и дело соскальзывал – на её губы, которые она нервно облизнула, потом – на шею, где пульсировала жилка, на ноги. Когда он смотрел вниз, Тая чувствовала это физически – как будто его пальцы уже скользили по колготкам, поднимали край юбки.

– Я... я правда не умею, – пробормотала она, но голос стал тише, слабее.

Роман Андреевич улыбнулся шире – той самой улыбкой, от которой у неё подгибались колени.

– Вы справитесь. Доверьтесь мне. Я буду говорить, что делать. Просто положите руки вот сюда... – он взял её ладони в свои и мягко, но уверенно направил к кошке.

Его пальцы были тёплыми, даже сквозь тонкие перчатки, которые он уже надел. Тая вздрогнула от прикосновения. Он не отпустил сразу – задержал её руки на секунду дольше, чем нужно, слегка сжал, будто проверяя, насколько крепко она сможет держать.

– Вот так.левой рукой фиксируете голову – нежно, но твёрдо. Правой – передние лапы. Не давите, просто не давайте ей вырваться. Всё. Вы уже молодец.

Тая послушно положила ладони на Мурку. Кошка слабо дёрнулась, но Тая удержала. Роман Андреевич кивнул одобрительно.

– Отлично.

Сначала машинкой для стрижки и состриг шерсть с лапки Мурки, затем он взял маленький жгут, теретянул им лапку

выше сустава.

– Теперь ответственный для вас момент, Тая. – сказал он протирая ватой смоченной спиртом уже вздутую тонкую вену.

Мурка задергалась под руками Таи, но девушка крепче прижала ее к столу, не желая оплошать еще раз.

Роман Андреевич взял катетер, маленький, прозрачный, с иглой на конце. Повернулся к Тае боком – так, что его плечо почти касалось её груди. Тая чувствовала тепло его тела сквозь свитер. Он наклонился над кошкой, и его дыхание – ровное, спокойное – коснулось её щеки.

– Держите крепче, – сказал он тихо. – Сейчас будет укол.

Тая сжала пальцы сильнее. Роман Андреевич быстро, профессионально нашёл вену на передней лапе Мурки. Игла вошла плавно. Кошка дёрнулась, мяукнула жалобно. Тая инстинктивно прижала её сильнее – и тут же почувствовала, как Роман Андреевич накрыл её руку своей.

– Не так сильно, – прошептал он прямо ей в ухо. – Вот так... мягче. Я рядом.

Его ладонь осталась на её руке. Большой палец медленно

провёл по костяшкам – якобы поправляя хватку. Но движение было слишком медленным, слишком осознанным. Тая почувствовала, как жар поднимается от живота к груди, к шее, к щекам.

Он закрепил катетер пластырем, подсоединил систему с раствором Рингера. Капли побежали по трубке – медленно, ритмично.

– Всё, – сказал он, не убирая руку. – Теперь она будет лежать минут сорок. Можно расслабиться.

Но Тая не могла расслабиться. Он смотрел на неё сверху вниз – на губы, на глаза, на ноги, которые она невольно сдвинула, пытаясь скрыть дрожь.

– Вы очень красиво краснеете, – произнёс он вдруг тихо, почти шёпотом. – Особенно когда нервничаете.

Тая открыла рот, но слова застряли. Она только смотрела на него – на тёмные глаза с тяжёлыми веками, на лёгкую щетину, на губы, которые чуть изогнулись в улыбке.

– Я... мне надо... – начала она, но голос предательски дрогнул.

Он наклонился ещё ближе – так близко, что она почувствовала его дыхание на своей коже.

– Останьтесь, – сказал он спокойно. – Пока капается. Вы же не хотите уйти отсюда без кошки? Или может вам не нравится моя компания? – пристально посмотрел он на девушку, изучая ее реакцию.

Тая сглотнула. Её сердце стучало так громко, что, казалось, он тоже его слышит.

Мурка тихо мурлыкнула – впервые за несколько дней.

А Тая стояла, не в силах пошевелиться, чувствуя, как его взгляд снова скользит по её ногам, по краю юбки, по губам – и понимая, что этот осмотр кошки только что превратился во флирт.

Тая стояла, не отрывая глаз от капельницы: прозрачные капли падали в трубку с ровным, гипнотическим ритмом. Мурка уже не сопротивлялась – лежала тихо, только уши иногда подрагивали. Роман Андреевич давно убрал руку с её ладони, но тепло его прикосновения всё ещё пульсировало на коже.

Тая сглотнула. Горло пересохло от его неожиданного и наглого вопроса.

– Я... не против компании, – прошептала она так тихо, что почти не услышала собственный голос. – То есть... если вам не мешает.

Он улыбнулся – уголком рта, почти незаметно.

– Ни капли.

Роман Андреевич отошёл от стола, прошёлся по кабинету – медленно, как будто измерял пространство шагами. Остановился у книжного шкафа, провёл пальцами по корешкам, потом повернулся к ней.

– На кого учитеесь, Тая?

Она чуть повернула голову, стараясь не дёргать руками, которые всё ещё фиксировали Мурку.

– На филолога... – ответила она, чувствуя, как щёки снова теплеют.

– Красивая специальность, – сказал он искренне. – Редкая сейчас. Не многие идут в это с открытыми глазами.

Тая кивнула, не зная, что ответить.

Он сделал ещё шаг ближе.

– Какое отделение?

– Литературоведение.

Роман Андреевич присвистнул тихо, почти шутливо.

– Ого. Серьёзно. А почему именно это? Могла бы пойти в лингвистику, в перевод, в журналистику... А вы выбрали самое... поэтичное.

Тая опустила взгляд на Мурку. Кошка дышала ровно, почти спала.

– Потому что... люблю поэзию, – призналась она почти шёпотом. – С детства. Когда читаю хорошие стихи, кажется, что мир становится... понятнее. Или хотя бы красивее.

Он замолчал на секунду. Потом медленно обошёл стол – теперь стоял позади неё. Очень близко. Тая почувствовала тепло его тела за спиной, даже не касаясь. Его дыхание коснулось её затылка – лёгкое, ровное, но от этого ещё более осязаемое.

– Прочитайте мне, – попросил он тихо, почти в самое

ухо. – Ваш любимый стих. Прямо сейчас.

Тая замерла и засмушалась. Читать стихи перед кем-то вслух она никогда не могла, а тут перед ним... никогда...

– Я... не могу, – прошептала она.

– Почему? – в его голосе не было давления, только любопытство.

– Потому что... я держу Мурку, – ответила она торопливо, цепляясь за самую простую причину. – Не могу повернуться. И... голос дрожит. И вообще... это глупо.

Она действительно не могла пошевелиться. Руки лежали на кошке – левая на голове, правая на передних лапках. Если она повернётся – Мурка дёрнется, катетер может сдвинуться. А если не повернётся... то останется стоять вот так, чувствуя его за спиной, чувствуя, как его дыхание шевелит волосы на её шее.

Роман Андреевич не отступил. Он стоял неподвижно, но Тая ощущала каждое его движение – даже самое маленькое. Как он чуть наклоняется ближе, как его грудь поднимается и опускается в такт дыханию, как воздух между ними становится густым, горячим.

– Тогда просто назовите автора, – сказал он тихо. – И название. Я сам почитаю. Позже. Когда вы не будете так нервничать.

Тая закусила губу. Виновая помада оставила след на зубах.

– Камило Песанья... – выдохнула она. – «Опавшая листва еще нежна...».

Он тихо хмыкнул – одобрительно.

– Полагаю, этот стих весьма чувственный.

Слово «чувственный» он произнёс медленно, будто специально, чтобы Тая еще сильнее волновалась. Она почувствовала, как по спине пробежала дрожь – от затылка до копчика.

– Вы дрожите, – сказал он почти шёпотом. – Холодно?

– Нет... – ответила она еле слышно. – Просто... нервничаю.

Он помолчал секунду.

– Из-за Мурки?

Тая не ответила. Потому что оба знали: не из-за Мурки.

Роман Андреевич наконец сделал полшага назад – но не полностью. Всё ещё стоял достаточно близко, чтобы она чувствовала его присутствие каждой клеткой кожи.

– Капельница почти закончилась, – сказал он спокойно. – Ещё минут десять. И вы сможете повернуться.

Он сделал паузу.

– И посмотреть мне в глаза, когда будете уходить.

Тая закрыла глаза на секунду. Она не знала, что и думать, мысли перебивали одна другую:

“Он говорит так, потому что я ему нравлюсь? А может он просто понял, что он нравится мне и теперь так издевается надо мной? Это ужасно! Если это так, я завтра повезу Мурку к другому врачу, в другую клинику.... На другом конце города!”

Но пока она стояла неподвижно, держа кошку, чувствуя

его дыхание за спиной и понимая, что эти десять минут будут самыми длинными в её жизни.

**Хочешь большего? Заходи на мой телеграм канал
Ровена в огне##**

много откровенных видео 18+#####

последние новости####

дополнительная инфа по героям #####

Хозяин

Тая чувствовала каждую секунду этих десяти минут как отдельную пытку. Капли в трубке падали слишком медленно – раз в три-четыре секунды, будто нарочно тянули время. Мурка уже дремала, дыхание ровное, но Тая не могла расслабить пальцы: они застыли на кошке, как будто от этого зависела вся её жизнь.

Она украдкой взглянула на часы на стене – прошло всего семь минут.

«Надо уйти, – подумала она лихорадочно. – Надо как-то ускорить это всё».

Она набрала воздуха и тихо, почти жалобно, произнесла:

– Роман Андреевич... а нельзя... ну... чуть быстрее капельницу сделать? Чтобы поскорее закончить?

Он стоял у окна, скрестив руки на груди, и смотрел на неё. Медленно повернулся всем телом – движение было плавным, хищным.

– Нельзя, – ответил он спокойно, но в голосе прозвучала сталь. – Слишком быстро – отёк лёгких, гипонатриемия, судороги. Мы же не хотим этого, правда?

Он подошёл ближе – шаг, второй, третий. Теперь стоял совсем рядом, чуть сбоку, так что Тая видела его профиль: острую линию скул, тяжёлые веки, лёгкую улыбку, которая не доходила до глаз. Он смотрел на неё сверху вниз – нагло, открыто, без всякого стеснения. Взгляд скользил по её лицу, задерживался на губах, потом опускался ниже – к горлу, к ключицам, к тому месту, где горчичный свитер слегка топорщился от нервного дыхания, потом ещё ниже, к ногам, к чёрным колготкам, которые блестели под лампой.

Тая почувствовала себя пойманной. Как будто она не пациентка с кошкой, а пленница в его кабинете. Как будто он хозяин этой комнаты, этой ситуации, её самой. Он не касался её, но присутствие было таким плотным, что воздух между ними казался вязким.

– Вы так торопитесь уйти от меня, Тая? – спросил он тихо, почти ласково. – А я думал, вам... нравится здесь. Нравится, когда я рядом. Когда я смотрю.

Слова повисли в воздухе – двусмысленные, провоцирующие. Тая не могла ответить. Только опустила взгляд на Мур-

ку, на свои пальцы, которые дрожали. Щёки горели. Она хотела сказать «нет», хотела сказать «да», хотела исчезнуть – но не могла выдать ни слова.

Он вдруг протянул руку – медленно, уверенно – прямо к её ладони, лежащей на кошке.

Тая дёрнулась инстинктивно, как от удара током. Пальцы сжались сильнее, Мурка слабо мякнула.

Роман Андреевич замер. Потом улыбнулся – медленно, почти нежно.

– Спокойно, – сказал он. – Я просто поправлю катетер. Видите? Перестала капать.

Только теперь Тая заметила: трубка действительно перестала подавать жидкость. Видимо её пальцы сжали кошачью лапку слишком крепко.

Он наклонился ближе – так близко, что его грудь почти коснулась её плеча. Пальцы ловко, профессионально пошевелили лапку. Тая стояла, не дыша, чувствуя его тепло, его запах, его власть над этой крошечной деталью и над всей ситуацией.

Он отстранился – но не сразу. Сначала посмотрел ей в глаза – долго, пристально.

– Всё, – сказал он наконец. – Достаточно на сегодня.

Он аккуратно отсоединил систему, прикрутил крышечку на катетер, и взяв самофиксирующийся бинт забинтовал лапу аккуратно, почти нежно.

– Не снимайте его сами, – предупредил он, глядя ей прямо в глаза. – Завтра придёте снова. В то же время. Я продолжу капельницы. Три дня минимум. И ещё анализы.

Тая кивнула – коротко, резко. Голоса не было.

Он выпрямился, снял перчатки, бросил их в контейнер. Потом снова посмотрел на неё – уже мягче, но всё с той же хитрой улыбкой.

– Вы молодец, Тая. Держали её хорошо. И... выглядите сегодня особенно красиво. Этот свитер... очень вам идёт.

Она не ответила. Только подняла переноску – осторожно, чтобы не задеть забинтованную лапу – и сделала шаг к двери.

– До завтра, – сказал он ей в спину.

Тая вышла в коридор, не оборачиваясь. Дверь закрылась за ней с тихим щелчком.

В приёмной она прислонилась к стене на секунду, закрыла глаза. Сердце всё ещё колотилось. Она знала: завтра она придёт снова. Не потому что Мурке нужно лечение.

А потому что он сказал «до завтра».

И она уже не могла не прийти.

Тая вошла в квартиру, осторожно поставила переноску на пол. Дверь ещё не успела закрыться, а бабуля уже вышла из кухни – в старом цветастом фартуке, с сияющими глазами.

– Таюшенька! Ну как наша девочка? Всё хорошо? Роман Андреевич что сказал?

Она наклонилась к переноске, открыла дверцу. Мурка высунула морду, понюхала воздух, потом медленно вышла и потёрлась о бабулины ноги – слабо, но уверенно.

– Капельницу поставили, – ответила Тая коротко, снимая ботинки. – Катетер оставили. Завтра снова ехать. Три дня минимум.

Бабуля всплеснула руками.

– Слава богу! А я уж думала... Ой, Таюш, ты молодец, что поехала. Он же сказал, что сам будет смотреть, да? Такой внимательный доктор...

Тая кивнула, не глядя в глаза. Голова гудела.

– Да... внимательный.

Бабуля вдруг вспомнила что-то, повернулась к столу и взяла красивый подарочный пакет – крафтовая бумага цвета слоновой кости, перевязанная широкой атласной лентой бордового цвета, сверху аккуратный бант.

– Это тебе. С Днём святого Валентина, внученька. Я утром купила, пока ты в универе была.

Тая взяла пакет – он был неожиданно тяжёлым. Заглянула внутрь: коробка шоколадных конфет в форме сердец, маленький флакон духов с нотками ванили и жасмина, и мягкий шарф из ангоры – нежно-розовый, почти персиковый.

– Бабуль... спасибо, – сказала она тихо, обняла старушку одной рукой. – Очень красиво.

– Носи на здоровье. И... может, с кем-нибудь наденешь, – бабуля подмигнула хитро. – С Димочкой, например?

Тая улыбнулась вымученно.

– Может.

Она быстро поела – гречневую кашу с котлетой, которую бабуля разогрела, – почти не чувствуя вкуса. Потом ушла в свою комнату, закрыла дверь на защёлку.

Села на кровать, не раздеваясь, обхватила себя руками и наконец позволила мыслям вырваться наружу.

«Он мне нравится. Очень. Слишком сильно. С того самого первого взгляда в приёмной. И... я ему тоже нравлюсь. Это же очевидно. Он смотрит так, будто уже владеет мной. Говорит вещи, от которых у меня внутри всё переворачивается. Он старше – лет на десять, может, на двенадцать. Но мне плевать. Он не мальчик вроде Димы. Он... мужчина. Настоящий. И я хочу, чтобы он продолжал смотреть на меня таким же взглядом. Чтобы подходил сзади. Чтобы дышал мне в шею. Чтобы...»

Она закрыла глаза и увидела его снова: как он стоит за

спиной, не касаясь, но владея всем пространством. Как его голос становится ниже, когда он говорит «вы дрожите». Как его рука накрывает её ладонь – якобы поправляя хватку.

«У нас что-то начинается. Пусть медленно. Пусть опасно. Но начинается. Завтра я снова поеду туда. И послезавтра. И... я не знаю, что будет дальше, но я уже не могу остановиться».

Телефон на тумбочке мигнул.

****Дима:**** зай, с Днём всех влюблённых ♥# давай увидимся вечером? я соскучился, хочу тебя обнять, поцеловать... и не только ## где ты?

Тая посмотрела на сообщение секунду. Потом ещё одну. Потом просто нажала кнопку выключения. Экран погас. Она бросила телефон на подушку лицом вниз, будто он мог её укусить.

Все мысли были только о завтрашнем визите.

О том, как она войдёт в кабинет.

Как он скажет «здравствуйте, Тая» – низко, с этой своей улыбкой.

Как снова попросит её помочь.

Как снова встанет слишком близко.

Как снова посмотрит на её губы, на ноги, на всё сразу.

Она легла на спину, уставилась в потолок.

«Завтра, – подумала она. – Завтра я снова увижу его».

Она повернулась на бок, подтянула колени к груди и тихо улыбнулась в темноту.

Телефон лежал выключенным.

А в голове крутился только один голос:

«До завтра, Тая».

**Хочешь большего? Заходи на мой телеграм канал
Ровена в огне##**

много откровенных видео 18+#####

последние новости####

дополнительная инфа по героям #####

Жду тебя с нетерпением ##

Просто мне нравятся киски...

15 февраля 2026 года. Тая вышла из дома раньше обычного – будто боялась опоздать на что-то очень важное. На ней был тот же горчичный свитер. Мини-юбка сменилась на чёрные узкие брюки – более строгие, более взрослые. Макияж остался вчерашним: стрелки, винная помада, чуть больше румян, чем нужно. Она смотрела на себя в зеркало перед выходом и повторяла мысленно: «Сегодня я буду смелее. Не буду краснеть».

Но когда она толкнула дверь кабинета, уверенность испарилась за секунду.

Роман Андреевич стоял у окна, спиной к двери, в белом халате с закатанными рукавами. Он обернулся и улыбнулся. Не той насмешливой улыбкой, а тепло, почти нежно.

– Добрый день, Тая. Вы сегодня рано.

Она кивнула, чувствуя, как щёки уже теплеют.

– Добрый... день.

Он подошёл ближе – уверенно, но не торопливо. Взял пе-

реноску из её рук, поставил на стол, открыл дверцу. Мурка вышла сама – уже бодрее, чем вчера, понюхала воздух и мяукнула требовательно.

– Смотрите-ка, наша красавица оживает, – сказал он, погладив кошку по спине. – Кушает?

– Да... аппетит хороший. Вчера вечером съела почти целую банку паштета. И воду пьёт.

– Отлично. Значит, регидратация работает.

Он аккуратно поднял Мурку, положил на смотровой стол, проверил катетер – пальцы двигались быстро, профессионально. Тая стояла рядом, стараясь дышать ровно. Но когда он повернулся к ней лицом, их взгляды встретились – и она снова почувствовала себя обнажённой под этим взглядом.

Роман Андреевич отошёл к своему столу, взял ту самую чёрную кружку с надписью «ВРАЧ ДЛЯ ТВОЕЙ КИСКИ» и сделал глоток. Тая невольно проследила за движением его кадыка.

– Как учёба? – спросил он, не отрывая глаз от неё. – Филфак не слишком загружает?

– Нормально... – ответила она тихо. – Сегодня две пары отменили, так что... успеваю.

Он кивнул, поставил кружку на стол. Тая собралась с духом – решила, что пора и ей задать вопрос. Пока он не начал снова подходить слишком близко.

– А вы... почему стали ветеринаром? – спросила она, стараясь, чтобы голос звучал уверенно.

Роман Андреевич замер на секунду. Потом медленно подошёл к ней – с той самой кружкой в руке. Остановился в полуметре. Поднёс кружку к губам, сделал ещё один глоток, не отводя взгляда от её лица. Тая почувствовала, что этот вопрос она задала зря.

Он опустил кружку, уголок рта дрогнул в улыбке.

– Просто мне нравятся киски, – сказал он тихо, почти шёпотом, но каждое слово прозвучало чётко..

Тая почувствовала, как кровь приливает к лицу мгновенно – от шеи до корней волос. Земля ушла из-под ног. Она хотела что-то ответить, но из горла вырвался только тихий, сдавленный звук. Взгляд метнулся вниз – на пол, на ботинки, на край стола, лишь бы не смотреть ему в глаза.

Она буквально желала провалиться сквозь землю. Прямо здесь, прямо сейчас. Чтобы исчезнуть, раствориться, не видеть эту улыбку, не слышать этот тон, не чувствовать, как внутри всё сжимается от стыда и... чего-то ещё, горячего и запретного.

Роман Андреевич не двигался. Просто стоял и смотрел – спокойно, уверенно, будто знал, что она никуда не денется.

– Шучу, – сказал он наконец, но в голосе не было извинения. Только лёгкая, почти ласковая насмешка. – Хотя... не совсем.

Он сделал полшага назад, поставил кружку на стол.

– На самом деле... потому что животные не врут. Не знаю понимаете ли вы меня, но это так.

Тая всё ещё не поднимала глаз. Щёки горели. Она сжала пальцы в кулаки под свитером.

– А вы... правда любите поэзию? – спросил он вдруг, меня тему так легко, будто ничего не произошло.

Тая кивнула – коротко, резко.

– Да.

Он улыбнулся – уже мягче.

Она наконец подняла взгляд – коротко, на секунду. Его глаза были тёплыми. Но в глубине всё ещё горел тот же огонь.

Он кивнул, вернулся к Мурке, начал готовить систему для новой капельницы.

Роман Андреевич всё ещё держал кружку в руке, но уже не пил – просто крутил её между пальцами, наблюдая, как Тая пытается собраться с мыслями после его шутки.

Он вдруг спросил тихо, будто между делом:

– А у вас есть поклонник, Тая? Или парень?

Она вздрогнула. Подняла глаза – слишком резко. Виновая помада на губах казалась теперь ещё ярче на фоне вспыхнувших щёк.

– Есть... поклонник, – ответила она, запинаясь. – Но не парень. То есть... он ухаживает за мной...

Роман Андреевич приподнял бровь. Улыбка стала шире, но уже не насмешливой – скорее заинтересованной.

– Не верю, – сказал он спокойно, но с лёгким прищуром. – Что поклонник всего один. С такими глазами и такой улыбкой... их должно быть минимум трое. А то и больше.

Тая открыла рот, чтобы возразить, но слова застряли. Она только опустила взгляд, чувствуя, как жар разливается по шее, по груди. Он смотрел на неё так, будто уже знал все её секреты – и ему это нравилось.

Она так и не успела ничего ответить.

Дверь кабинета открылась без стука. Вошла ассистентка Вика – волосы собраны в тугий хвост, на лице тревога.

– Роман Андреевич, извините. В операционной экстренно. Кот после ДТП, разрыв диафрагмы, кровотечение. Нужна ваша помощь прямо сейчас. Анестезиолог уже просит.

Он кивнул – мгновенно переключаясь в режим врача. Улыбка исчезла, взгляд стал сосредоточенным.

– Иду. – Он повернулся к Тае. – Тая, Вика вас проводит. Капельница уже почти закончилась, она снимет катетер. Зав-

тра последняя процедура. Приходите в то же время.

Он не успел ничего больше сказать – просто быстро вышел..

Тая стояла посреди кабинета, чувствуя, как внутри что-то сжимается. Она даже не попрощалась. Не сказала «до завтра». Просто осталась одна с Викой, которая уже подходила к столу.

– Давайте я отключу капельницу, – сказала ассистентка мягко. – Вы молодец, что приходите каждый день. Мурка уже гораздо лучше выглядит.

Тая кивнула механически. Вика ловко удалила порт, заклеила место пластырем, погладила кошку по голове.

– Всё. Можете забирать.

Тая взяла переноску, вышла в коридор, потом на улицу. Дождь моросил мелко, противно. Она села в такси и всю дорогу смотрела в окно, чувствуя странную пустоту в груди.

«Он ушёл так быстро... даже не посмотрел напоследок».

**Хочешь большего? Заходи на мой телеграм канал
Ровена в огне##**

много откровенных видео 18+#####

последние новости####

дополнительная инфа по героям #####

Жду тебя с нетерпением ##

Ложь

На следующий день, 16 февраля, Тая пришла в клинику с тяжёлым сердцем. Последняя капельница. После этого – всё. Больше не будет повода приходить сюда каждый день. Больше не будет его взгляда, его голоса, его двусмысленных слов.

Она вошла в кабинет – и замерла на пороге.

Роман Андреевич стоял у стола, уже в перчатках, и улыбался ей.

– Доброе утро, Тая. Я вас ждал.

Он сказал это так просто, будто это было самым естественным на свете.

Она шагнула внутрь, поставила переноску на стол. Мурка вышла сама – уже почти бодрая.

– Последний раз, – сказала Тая тихо, стараясь не смотреть ему в глаза. – Потом... всё.

Он подошёл ближе, взял Мурку на руки, положил на стол.

– Последний раз капельницы, – уточнил он мягко. – А видеть вас... никто не запрещал.

Тая подняла взгляд – коротко, но он уже поймал его.

– Вы грустите, – заметил он. – Из-за кошки?

Она покачала головой.

– Не только...

Он не стал развивать тему. Просто начал готовить систему – привычными, точными движениями.

– Держите её, как раньше, – попросил он. – Вы уже профи.

Тая положила ладони на Мурку – левая на голову, правая на лапы. Роман Андреевич наклонился, подсоединил трубку. Капли пошли – медленно, как всегда.

Он не отошёл. Остался стоять рядом – так близко, что она снова почувствовала его тепло.

– Когда закончится, – сказал он тихо, не глядя на неё, – я сниму катетер. И... если хотите, можем поговорить. Не о

кошке.

Тая сглотнула.

– О чём?

Он наконец повернулся к ней. Взгляд скользнул по её губам, по глазам.

– О том, почему вы краснеете каждый раз, когда я подхожу ближе. О том, почему я каждый день жду именно вас.

Тая сжала пальцы на кошке чуть сильнее.

– Это вам кажется... я всегда такая. Не принимайте на свой счет. – взглянула она на него смело, как никогда. Почему-то эта фраза далась очень легко. Признаваться перед ним в том, что он ей нравится – что может быть хуже? Лучше сказать наоборот, как и сделала Тая.

Роман Андреевич застыл на секунду, не сводя своего взгляда с прищуром с лица Таи.

– Ладно... действительно, видимо я принял много на свой счет. Особенно то, что не требовалось принимать. – произнес он с едва заметным оттенком досады и отошел от Таи к

окну.

Капли продолжали падать.

А в кабинете повисла тишина – густая, горячая, полная невысказанного и горького сожаления Таи о том, что она все испортила.

Капельница уже подходила к концу – оставалось всего несколько минут. Тая стояла, держа Мурку, и украдкой смотрела на Романа Андреевича. Он что-то печатал за компьютером, иногда поднимая глаза, но не встречаясь с её взглядом. И от этого Таю душило невыносимое сожаление.

Вдруг дверь кабинета открылась.

Вика вошла с папкой в руках, улыбнулась загадочно.

– Роман Андреевич, как дела? Нужна помощь?

Он кивнул, отложил ручку. Взглянул на Таю – всего на секунду, но тут же отвернулся.

– Вика, останься, пожалуйста. Проследи за последними минутами капельницы. И распечатай рекомендации по уходу.

– Конечно, – ответила Вика бодро.

Роман Андреевич даже не посмотрел на Таю больше. Просто вышел – дверь закрылась за ним тихо, но окончательно.

Тая почувствовала, как внутри всё оборвалось. «Он ушёл. Из-за меня. Вот же дура! Наговорила ерунды и он решил, что я не хочу. Что мне всё это не нужно».

Вика сняла катетер, заклеила лапку, вручила Тае распечатанный листок с рекомендациями и улыбнулась:

– Всё, Мурка здорова! Можете гордиться собой.

Тая кивнула, взяла переноску и вышла. Романа андреевича не было в коридоре. Только клиенты с больными животными сидели молча, ожидая своей очереди.

Дома бабуля встретила её радостно, забрала Мурку, спросила о докторе. Тая ответила коротко, ушла в комнату и закрыла дверь.

Следующие дни были серыми.

Университет, пары, конспекты, столовка, сообщения Димы... Тая ходила понурой: улыбка не получалась, подруги спрашивали, не заболела ли она. Она отшучивалась, но внутри всё болело. В голове крутился только он: его голос, его руки, его взгляд, его «мне нравятся киски». Она прокручивала каждую встречу, каждое слово, каждый раз, когда он подходил слишком близко. И каждый раз корила себя: «Зачем я молчала? Зачем не улыбнулась? Зачем не сказала, что тоже жду, когда мы поговорим?»

Ночью она снова видела сны – ещё жарче, ещё подробнее. Просыпалась мокрая, с ноющим телом и со слезами на глазах.

К вечеру 20 февраля Тая не выдержала.

Она зашла в комнату бабули, где Мурка мирно спала на подушке.

– Бабуль, – начала Тая осторожно, – Роман Андреевич говорил, что для верности надо приехать через пару дней после последней капельницы. Проверить, всё ли в порядке. Анализы сдать, послушать сердце...

Бабуля подняла глаза от вязания.

– Ой, Таюш, а я и не помню, чтобы он говорил...

– Говорил, бабуль! Точно. Просто ты не слышала по телефону. Лучше съездить, чтобы наверняка.

Бабуля пожала плечами.

– Ну раз доктор сказал... Конечно, езжай, внученька. Мурка у нас одна.

На следующий день Тая снова собралась.

Оделась просто – джинсы, серый свитер. В зеркале она выглядела уверенно – почти. Внутри всё дрожало.

Мурку она уложила в переноску, хотя кошка была абсолютно здорова: ела, играла, мурлыкала.

Такси до клиники.

В приёмной та же девушка за стойкой улыбнулась:

– К Роману Андреевичу? Проходите, он свободен.

Тая сделала глубокий вдох и толкнула дверь кабинета.

Роман Андреевич сидел за столом, что-то печатал. Услышав скрип двери, поднял голову – и замер.

Его глаза расширились на долю секунды, потом он будто опмнился и сделал серьезный и безразличный вид.

– Тая... – произнёс он тихо, вставая. – Какими судьбами?

Она поставила переноску на пол, чувствуя, как сердце колотится о рёбра.

– Мурке... вроде бы хуже стало, – соврала она, стараясь не отводить взгляд. – Не ест хорошо. И вялая. Решили проверить...

Он подошёл ближе, открыл переноску. Мурка выскочила бодро, потёрлась о его руку, громко замурлыкала.

Роман Андреевич рассмеялся – низко, тепло.

– Вялая, говоришь? – Он погладил кошку, потом выпрямился и посмотрел прямо на Таю. – А может, просто соскучилась по мне?

Тая покраснела, но на этот раз не отвела взгляд.

– Может, – прошептала она.

Он сделал шаг ближе. Ещё один. Теперь между ними было меньше полуметра. Тая ждала, когда же он улыбнется и посмотрит на нее тем самым взглядом, но Роман Андреевич не оправдал ее ожиданий.

Он взял Мурку на руки затем отнес на стол для осмотра. Тая поспешила за ним и встала рядом, наблюдая как сильные руки доктора изучали тело кошки.

— Не вижу никаких симптомов болезни. Рвота была? – спросил он безучастно.

— Нет, не было. – пробубнила Тая.

— Понятно. – кивнул он и вышел из кабинета ничего не сказав.

Через минуту пришла Вика.

— Сейчас я померю температурку, взвешу и отпущу вас. — сказала весело она.

Тая даже позавидовала ее настроению, потому что сама была мрачнее тучи. Ведь она не смогла дождаться от Романа Андреевича его теплой улыбки.

Неопределенность...

Тая вышла из кабинета, не чувствуя ног. Дверь за спиной закрылась с тихим щелчком – таким же безразличным, как голос Романа Андреевича минуту назад.

Ни улыбки. Ни взгляда. Ни «до завтра». Только сухой, профессиональный осмотр, как будто она была случайной посетительницей, а не той, руки которой он трогал и просил прочитать стихи, не той, что краснела, дрожала, а сейчас лгала о здоровье кошки только ради того, чтобы увидеть его.

Она вышла на улицу. Февральский ветер хлестнул по щекам, но слёз не выдавил. Переноска с Муркой казалась тяжёлой, хотя кошка была бодрой и даже мяукнула, требуя внимания. Тая села в автобус, прижалась лбом к холодному стеклу и смотрела, как город плывёт мимо – серый, равнодушный.

Дома она почти не разговаривала. Бабуля спросила, что сказал доктор. Тая буркнула: «Всё в порядке. Здорова». И ушла в комнату. Легла на кровать лицом вниз, уткнулась в подушку и впервые за долгое время заплакала – тихо, без всхлипов, просто текли слёзы.

Несколько дней она ходила как тень. Университет, пары, конспекты – всё механически. Подруги спрашивали, что случилось. Она отмахивалась. Ночью снились его руки – не те,

что во сне ласкали её до дрожи, а те, что сегодня равнодушно гладили Мурку и не коснулись даже её запястья.

Телефон мигнул вечером 24 февраля.

****Дима:**** зай, ты где пропала? уже неделю не отвечаешь. давай увидимся? родители на даче до воскресенья. приезжай ко мне, посидим, кино посмотрим... я соскучился

Тая посмотрела на сообщение долго. Потом написала:

****Тая:**** ладно. во сколько?

Она не хотела. Но оставаться одной с этой пустотой внутри было невыносимо. Лучше уж пусть будет Дима – привычный, предсказуемый, пусть даже раздражающий. Всё лучше, чем тишина.

Дима встретил её у подъезда – в спортивных штанах и толстовке, с этой своей наглой улыбкой. Поцеловал в щёку.

– Заходи, красотка. Я пиццу заказал.

В квартире пахло свежей выпечкой и его одеколоном – слишком сладким, слишком навязчивым. Тая села на диван, скрестив ноги под мини-юбкой. Дима принёс пиццу, включил какой-то фильм – она даже не запомнила название.

Он сел рядом – близко. Слишком близко. Рука легла на её колено, пальцы медленно поползли выше, под юбку.

– Расслабься, зай... – прошептал он ей в шею. – Мы же не чужие.

Тая сначала не сопротивлялась. Пусть. Пусть будет. Может, хоть это заглушит боль в груди. Его ладонь скользнула по внутренней стороне бедра, пальцы зацепили край труси-

ков. Он целовал её шею, покусывал мочку уха.

Но в голове – не Дима.

В голове – Роман Андреевич. Его сильные пальцы, которые могли бы сейчас лежать здесь – уверенно, властно, но нежно. Его дыхание – низкое, спокойное, с лёгкой хрипотцой. Его голос, который шептал бы нежности от который Тая бы млела.

Она вдруг отстранилась.

– Дим... хватит.

Он замер, потом усмехнулся.

– Что опять? Опять «не хочу»? Таюш, мы же уже...

– Мы уже спали с тобой месяц назад, да, – перебила она резко. – Когда ты напоил меня в хлам и воспользовался тем, что я почти не соображала.

Дима откинулся на спинку дивана, прищурился.

– Ой, ну ты даёшь. Ты сама на меня вешалась. А теперь святоша?

– Я была пьяная, Дима. Ты знал, что я не в себе. А теперь хочешь повторить? – она встала, одёрнула юбку.

Он поднялся следом, шагнул ближе. Улыбка стала жёстче.

– А что, если угостить тебя пивком? Один глоток – и ты опять такая же податливая. Помнишь, как стонала?

Тая почувствовала, как внутри всё переворачивается – не от страха, а от ярости.

Она размахнулась и вlepила ему пощёчину – звонкую, сильную. Щека Димы мгновенно покраснела.

– Пошла ты, – прошипел он, потирая лицо.

– Сам иди, – ответила она тихо, но чётко.

Схватила сумку, куртку. Дверь хлопнула так, что соседи наверняка услышали.

На улице было холодно. Тая шла быстро, почти бежала. Слезы снова навернулись – но теперь не от боли, а от злости на себя. На то, что позволила этому случиться. На то, что позволила Диме даже прикоснуться.

Она остановилась у фонаря, достала телефон. Открыла чат с Романом Андреевичем – пустой. Ни одного сообщения. Только номер, который она сохранила «на всякий случай» ещё в первый день.

Пальцы замерли над клавиатурой.

«Простите, что соврала про Мурку. Я просто хотела вас увидеть».

Она удалила текст.

«Я скучаю».

Удалено.

В итоге она не написала ничего и убрала телефон. зато она уже теперь точно знала, что с Димой все кончено, а Роман Андреевич, тот с кем бы ей хотелось быть.

Главное – она наконец осознала правду.

Прошли ещё несколько дней – 25, 26, 27 февраля. Тая ходила как в тумане: университет, дом, сон без снов. Она пыта-

лась найти повод, чтобы снова появиться в клинике. «Мурка чихнула странно». Нет, слишком слабо. «У неё комки шерсти в желудке». Бабуля только посмеётся. «Я нашла старую рану на лапе». Но Мурка была здорова как никогда – бегала по квартире, требовала еду, даже поймала муху на подоконнике.

Тая сидела за столом, грызя ручку, и думала только об одном: о нём. О его безразличном голосе, о том, как он не посмотрел на неё напоследок. О том, как она сама виновата – отвергла его признание, сказала «не взаимно», хотя внутри всё кричало обратное. «Я влюбилась. По-настоящему. И потеряла его».

28 февраля, возвращаясь из университета, она шла по мокрому тротуару – февральский снег таял в лужи. В переулке у мусорных баков она увидела её: маленькую хромую кошку. Серая, с белыми лапками, грязная, с раненой задней лапой – она ковыляла, жалобно мяукая, и оглядывалась по сторонам.

Решение пришло мгновенно. Тая даже не подумала о том, чья это кошка, или что она делает. Она просто наклонилась, осторожно взяла её на руки – кошка не сопротивлялась, только слабо мяукнула – и завернула в свой шарф. «Это повод. Идеальный. Он увидит, что я помогаю. Что я не безразлична».

В клинику она примчалась на такси. Сердце колотилось. На ресепшене – никого. Тая стояла, прижимая кошку к гру-

ди, и оглядывалась. И тут вышел он – Роман Андреевич, в халате, с папкой в руках. Увидел её – и замер.

– Тая? – голос был ровным, холодным, без той теплоты, что раньше.

– Роман Андреевич... я нашла её на улице. Хромает сильно. Наверное, лапа сломана или вывих. Помогите, пожалуйста.

Он подошёл ближе, но не улыбнулся. Вытащил перчатки из кармана, надел и взял кошку из рук Таи – пальцы скользнули по её ладони, но без задержки. Осмотрел быстро, профессионально.

– Рана инфицированная, абсцесс. Рентген не нужен. Вас примет другой врач – Елена Сергеевна. Она как раз свободна. А у меня сейчас операция.

Он вернул кошку Тае, кивнул администратору и ушёл в коридор – даже не оглянулся.

Тая стояла, чувствуя, как досада жжёт внутри, как кислота. «Он даже не посмотрел на меня по-настоящему. Не спросил, как я. Не задержался ни на секунду. Из-за меня. Из-за моих глупых слов». Она хотела крикнуть: «Подождите! Это не то, что вы думаете! Я соврала тогда!» Но слова застряли в гортани. Вместо этого она просто кивнула администратору и ушла в другой кабинет, где Елена Сергеевна обработала рану, сделала укол и сказала: «Оставьте её у нас на ночь, мы подлечим».

Домой Тая возвращалась пешком: почти все деньги, что высылала ей мама, она потратила на лечение кошки и так-си . Моросил дождь. Досада не отпускала. «Он думает, что я пришла просто так. С чужой кошкой. А я хотела увидеть его. Только его». Но она не хотела сдаваться. «Я найду способ. Должен быть способ. Он не может просто так отгородиться. Я видела в его глазах – он тоже чувствовал что-то ко мне».

**Хочешь большего? Заходи на мой телеграм канал
Ровена в огне##**

много откровенных видео 18+#####

последние новости####

дополнительная инфа по героям ####

Жду тебя с нетерпением ##

Ночная смена

Прошли ещё несколько дней. 1, 2 марта. Тая выжидала – не хотела показаться навязчивой. А потом придумала план. Коварный, но необходимый.

Она дождалась, пока бабуля уйдёт к подруге-соседке на чай – это было 3 марта, вечер. Бабуля ушла с корзинкой пирожков, пообещав вернуться через час. Тая тем временем взяла Мурку, которая мирно спала, и... нет, она не сделала ничего плохого. Просто подумала: «Нужен повод. Настоящий».

Когда бабуля вернулась – румяная, с новыми сплетнями, – Тая ждала её на кухне с трагическим лицом.

– Бабуль... Мурке плохо было. Её стошнило. Прямо на ковёр. Может, что-то съела не то. Нужно позвонить Роману Андреевичу, узнать, когда он принимает.

Бабуля нахмурилась, села за стол.

– Таюш, да что ты? Она же только что ела нормально. Может, просто комок шерсти?

– Нет, бабуль. Лучше перестраховаться. Позвони, пожалуйста. Спроси, когда он свободен.

Бабуля покачала головой.

– Ой, не хочу беспокоить. Он занятой.

– Тогда пойду к другому врачу, – сказала Тая спокойно, но с намёком. – Там есть Елена Сергеевна, она хорошая.

Бабуля задумалась. Её брови сошлись. Она всегда доверяла только Роману Андреевичу – он знал Мурку с котёнка».

– Ладно, – вздохнула она наконец. – Позвоню. Узнаю, во сколько завтра свободен.

Она набрала номер – тот, что был записан в старом ежедневнике. Говорила тихо, но Тая слышала каждое слово.

– Роман Андреевич? Добрый вечер, Валентина Ивановна беспокоит... Да, про Мурку. Ее стошнило сегодня. Когда завтра подойти? Ой... А сегодня? Ночью? В одиннадцать? Ладно, спасибо. До свидания. Да, она придет.

Бабуля повесила трубку, повернулась к Тае.

– Завтра его нет, выходной. Но сегодня работает в ночную смену. Сказал, если срочно – приезжайте в одиннадцать вечера.

Тая почувствовала, как сердце подпрыгнуло. Радость вспыхнула внутри – горячая, яркая. «Ночью. Народу будет немного, или вообще не будет Это шанс. Мой шанс».

– Хорошо, бабуль. Я поеду.

Бабуля кивнула и пошла проверять Мурку.

Тая улыбнулась – впервые за неделю.

Она ушла в комнату, села на кровать и стала ждать. Часы тянулись медленно. 8 вечера. 9. 10. Она переделалась: чёрная мини-юбка, плотные колготки, горчичный свитер – талисман. Макияж: smokey eyes, винная помада.

«Сегодня я исправлю ошибку, – думала она, глядя в зеркало. – Проявлю инициативу. Скажу правду. Что люблю его.

Что хочу его. И пусть он увидит, что я не девочка, которая краснеет и молчит. Я женщина, которая знает, чего хочет».

В 10:30 она взяла переноску с Муркой – кошка мяукнула удивлённо, но улеглась спокойно – и вышла в ночь.

Клиника ждала. И он – в ночной смене.

Тая приехала к клинике ровно в одиннадцать – ночь была тёмной, как бархат, с редкими фонарями, отбрасывающими жёлтые блики на мокрый асфальт. Она вышла из такси, прижимая переноску с Муркой к груди, и сразу увидела свет в его кабинете: приглушённый, мягкий, будто горела одна настольная лампа, а остальное пространство тонуло в полумраке. Сердце заколотилось чаще – он ждал. Должен был ждать.

Она дернула ручку двери – заперто. Странно, но не страшно. Тая постучала – тихо, но настойчиво, зная, что он внутри, что услышит. Мурка мяукнула в переноске, как будто подбадривая. Секунды растянулись в минуты. Две, три. Наконец, за дверью послышались шаги.

Дверь открылась. Роман Андреевич стоял перед ней – высокий, широкоплечий, в графитовой рубашке, расстёгнутой на верхнюю пуговицу, без халата. Он выглядел серьёзным, почти строгим, но Тая заметила в его глазах новый огонёк – тёмный, голодный, как вспышка молнии в грозовом небе. Этот взгляд пробрал её до мурашек, но она не отступила.

– Заходите, Тая, – сказал он тихо, отступая в сторону.

Она вошла, и он запер дверь за ней – ключ щёлкнул в замке, и Роман Андреевич, не глядя на неё, положил его в карман брюк. Это показалось подозрительным: зачем запирать? Почему ключ в карман? Тая почувствовала лёгкий укол тревоги, но смешанный с возбуждением – он был один, ночью, и запер дверь. Для них двоих.

Он задал пару вопросов про Мурку – ровным, профессиональным тоном: как ест, как дышит, есть ли рвота. Тая ответила механически, следуя за ним в кабинет. Там было темно: только одинокая настольная лампа на книжном шкафу отбрасывала золотистый круг света, оставляя углы в тени. Книжки, стол, смотровой столик – всё казалось знакомым, но в этом полумраке – интимным, опасным.

Тая поставила переноску рядом со смотровым столом и наклонилась, чтобы достать Мурку – кошка уже мяукала, требуя свободы. Но не успела она открыть дверцу, как Роман Андреевич слегка толкнул переноску ногой – она отодвинулась в сторону, в тень. Тая удивилась, выпрямилась резко, открыла рот, чтобы спросить: «Что вы...?»

Но слова умерли на губах.

Роман Андреевич схватил её за талию – сильными, уверенными руками, прижал к себе так близко, что она почувствовала жар его тела сквозь рубашку, его дыхание. Тая замерла, сердце билось как сумасшедшее, внизу живота вспыхнул огонь – внезапный, обжигающий.

– Сегодня я буду осматривать другую киску, – прошептал

он низко, хрипло, с той самой коварной улыбкой, которая сводила её с ума. – У меня есть подозрения на твоё хроническое возбуждение, Тая.

Он улыбнулся – тёмно, хищно, и наклонился, захватывая её губы в поцелуй. Страстный, жадный, без предупреждения: его рот накрыл её, язык проник внутрь, исследуя, требуя, покоряя. Руки сжали талию сильнее, прижимая её бедра к своим, и Тая почувствовала его возбуждение – твёрдое, настойчивое.

Эмоции нахлынули на неё волной – шоком, жаром, паникой и блаженством одновременно. Она совсем не ожидала, что он будет таким: не нежным доктором, а мужчиной, полным огня, который берёт то, чего хочет, без слов, без игр. Её тело отреагировало мгновенно – соски напряглись под свитером, между ног стало жарко, она задохнулась от его вкуса: кофе, мята, он сам. Руки инстинктивно вцепились в его рубашку, пальцы сжали ткань, и Тая ответила на поцелуй – неосознанно, но жадно, её язык сплёлся с его, тело выгнулось навстречу. В голове крутилось: «Это он. Наконец. Но... так внезапно, так грубо... и так правильно». Она тонула в нём – в его силе, в его желании, которое отражало её собственное, накопленное за все эти дни фантазий и снов.

А Роман Андреевич... в нём бушевал ураган. Он ждал этого момента слишком долго – с того первого взгляда в приёмной, через все эти капельницы, взгляды, недомолвки. Её

отказ тогда не ранил, а только разжёл его сильнее. Он твердо знал, что его холодность к Тае даст нужную реакцию. Теперь, прижимая её к себе, чувствуя, как она тает в его руках, он ощущал триумф и жажду – дикую, первобытную. Её губы были мягкими, сладкими, как он и представлял, тело – податливым, но полным огня. Он рычал тихо в поцелуй, руки скользнули ниже, сжали её ягодицы, приподнимая, чтобы она почувствовала его полностью.. Эмоции переполняли: страсть, как пожар, ревность к её еще неизвестному прошлому, нежность, скрытая под грубостью, и облегчение – что она пришла, что не сдалась, что ответила.

Тая не могла возразить и не хотела. Мир сузился до его губ, его рук, его слов, которые эхом отзывались в ней: «хроническое возбуждение». И это была правда.

Проверка чувствительности

Роман Андреевич прервал поцелуй внезапно – оторвался от её губ с тихим, влажным звуком, оставляя Таю в вихре ощущений: её рот горел, язык ныл от его настойчивого вторжения, а тело дрожало, как в лихорадке. Она стояла, тяжело дыша, прижатая к нему, чувствуя, как его эрекция упирается в её живот, твёрдая и требовательная, посылая волны жара по её венам. В глазах его пылал тот же огонь, что и в ней – смесь желания, триумфа и чего-то тёмного, почти жестокого, что заставляло её сердце стучать в горле.

Не сказав ни слова, он подхватил её под бёдра – сильными руками, легко, будто она ничего не весила, – и посадил на свой деревянный стол. Тая ахнула от неожиданности, почувствовав прохладную поверхность дерева сквозь тонкие колготки. Роман Андреевич быстро отодвинул монитор и клавиатуру в сторону – одним движением, небрежным, но точным, освобождая пространство. Кабели зашуршали по столешнице, но он даже не взглянул на них; его глаза были прикованы к ней – голодные, всепоглощающие.

Тая открыла рот, чтобы сказать что-то – может, «подожди-те», или «это слишком быстро», или просто «Роман...» – но слова застряли, смешавшись с её собственным стоном. Он поднял палец к её губам, прижал его мягко, но властно.

– Не мяукай, – приказал он низко, с лёгкой улыбкой, ко-

торая не доходила до глаз. – Сегодня ты моя пациентка. И ты будешь послушной кошечкой.

Тая замолчала мгновенно. Её щёки вспыхнули от смущения и возбуждения – это слово, «мяукай», эхом отозвалось в ней, напоминая о Мурке, о всех этих осмотрах, но теперь оно было для неё, и оно жгло. Она почувствовала себя уязвимой, но в то же время – желанной, как никогда. Роман Андреевич видел это: её расширенные зрачки, прерывистое дыхание, как она сжимает бёдра. В нём кипела страсть – он хотел её сломать, но нежно, хотел владеть ею полностью, и это ожидание, это предвкушение заставляло его сердце биться чаще, а кровь – гореть.

Он погладил её лицо – нежно, ласково, большим пальцем провёл по щеке, по скуле, по нижней губе, размазывая винную помаду. Касание было почти отеческим, но под ним таилась сила, которая заставляла Тая трепетать. Она закрыла глаза на миг, отдаваясь этому ощущению: его кожа была тёплой, чуть шершавой, и от неё шёл тот запах, который сводил её с ума все эти дни.

– Открой рот, – сказал он тихо, но с приказным тоном.

Тая возмутилась – внутри вспыхнул бунт: «Кто он такой, чтобы командовать?» Её глаза распахнулись, губы сжались в упрямую линию.

– Нет, – прошептала она, но голос дрогнул.

Роман Андреевич не отступил. Его рука скользнула к её челюсти – пальцы сжали крепко, но не больно, заставляя раз-

жать губы. Тая ахнула от неожиданности, от этой доминанции, которая была такой же возбуждающей, как и пугающей. Она почувствовала себя в его власти – полностью, без остатка, и это ощущение разлилось по телу сладкой слабостью.

– Я вижу воспаление на языке, – произнёс он серьёзно, но с той коварной улыбкой в уголках рта. – Надо срочно работать.

И он наклонился, поцеловал её снова – глубоко, медленно, пошло. Его язык проник внутрь, не спеша, исследуя каждый уголок: лизнул нёбо, провёл по зубам, сплёлся с её языком в медленном, влажном танце. Поцелуй был не просто поцелуем – он был актом владения: Роман Андреевич сосал её язык, покусывал губы, выпивая её стоны, которые она пыталась сдержать. Тая потеряла рассудок – мир закружился, мысли растворились в этом ощущении. Её тело отреагировало бурно: соски затвердели до боли, между ног стало горячо, она выгнулась, прижимаясь к нему ближе, руки вцепились в его рубашку, комкая ткань. Эмоции переполняли её – шок от его смелости, восторг от его близости, желание, которое жгло как огонь, и страх, что это сон, который вот-вот прервётся. Она стонала в его рот, не в силах остановиться, чувствуя, как он улыбается в поцелуй, зная, что победил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.